

*А. М. Прилуцкий**

**СТРАТЕГИИ КАНОНИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ
И АПОЛОГЕТИКИ СООБЩЕСТВ
«АЛЬТЕРНАТИВНОГО ПРАВОСЛАВИЯ»**

Статья посвящена анализу стратегий апологетической саморепрезентации, частотно используемых религиозными общинами «альтернативного православия» и их лидерами в сети Интернет. Поскольку современные маргинальные религиозные сообщества активно осваивают информационную среду и продуктивно используют технологии распространения информации, анализируемые в статье стратегии формируют реализуемую ими символическую политику. Применяемые сообществами маргинального православия апологетические стратегии направлены на формирование пустых рамочных понятий и семиотических фикций, придающих канонически уязвимым, сомнительным, часто откровенно модернистским практикам видимость традиционности. При этом основной акцент делается на вопросы применения канонических норм, тогда как их смысловая интерпретация остается на втором плане, а содержательная аргументация подменяется эмоционально окрашенной риторикой.

Ключевые слова: маргинальное православие, юрисдикции, модернизм, фундаментализм, конспирология.

A. M. Prilutskii

**STRATEGIES OF CANONICAL CONTROVERSY AND APOLOGETICS
OF “ALTERNATIVE ORTHODOXY” COMMUNITIES**

The article is devoted to the analysis of apologetic self-presentation strategies frequently used by religious communities of “alternative Orthodoxy” and their leaders on the Internet. Since modern marginal religious communities actively explore the information environment and productively use information dissemination technologies, the strategies analyzed in

* Прилуцкий Александр Михайлович — д-р филос. наук, проф., alpril@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская Федерация, 19118, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

Prilutskii Alex. M. — Ph.D, Professor, alpril@mail.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia.

the article form the symbolic policy they implement. The apologetic strategies used by communities of marginal Orthodoxy are aimed at forming empty framework concepts and semiotic fictions that give canonically vulnerable, dubious, and often openly modernist practices the appearance of traditionalism. At the same time, the main emphasis is placed on the application of canonical norms, while their semantic interpretation remains in the background, and meaningful argumentation is replaced by emotionally colored rhetoric.

Keywords: marginal Orthodoxy, jurisdictions, modernism, fundamentalism, conspiracy theories.

Отличительной чертой современного «альтернативного православия» является наличие фактических и логических противоречий между декларируемой верностью каноническим нормам и правилам, с одной стороны, и реальной практикой церковной повседневностью — с другой. Самосвящество, экзотические архиерейские хиротонии «по телефону», различные т. н. «самостийные рукоположения», постоянная межюрисдикционная миграция клириков, регулярное взаимное наложение различных «прещений», труднообъяснимые прекращения и восстановления канонического общения и подобное является повсеместной практикой «альтернативного православия». При этом постоянные обвинения канонических Православных юрисдикций в различных канонических нарушениях (прежде всего в утрате т. н. «соборности») в настоящее время сложились в своеобразную миссионерскую стратегию, позволяющую относительно результативно вербовать адептов. Однако очевидная аканоничность, если не сказать — антиканоничность церковной жизни маргинальных православных сообществ не только приводит к формированию феномена псевдоправославного сектантства [13], но и порождает инверсивный конфликт между декларируемыми принципами и церковной практикой. Для разрешения этого конфликта адептами и идеологами маргинальных сообществ параправославного паттерна реализуются апологетические стратегии. В их основе лежат герменевтические уловки, разбору которых посвящено настоящее исследование.

Сразу необходимо отметить, что базовым апологетическим паттерном разрешения возникающего инверсивного напряжения являются различные герменевтические и семиотические спекуляции, направленные на формирования феномена, который ранее нами был определен как теология и идеология «осажденной крепости» — окруженной врагами группы героев, все силы которых уходят исключительно на «оборону». Это позволяет «переключать общественное внимание с актуальных проблем современности на “глубинные причины” реального положения дел» [10, с. 93], в том числе при помощи установок конспирологической герменевтики. Проведенное нами исследование, выполненное при помощи метода контент-анализа, выявило, что обвинения (в той или иной форме) канонических Православных Церквей в различных нарушениях канонов содержатся в 58% проповедей клириков альтернативного православия, размещенных в интернете (объем выборки 170 проповедей). При этом критика канонических, вернее — антиканонических безобразий, присутствующих в «альтернативных юрисдикциях», в проповедях клириков Русской Православной Церкви Московского Патриархата находится в рамках статистической погрешности.

Спецификой современного маргинального православия радикалистского паттерна является совмещение фундаменталистских деклараций с откровенным церковным модернизмом, который проявляется прежде всего в сфере каноники. Это доказывает справедливость выводов профессора Д. А. Головушкина о том, что при определенных условиях религиозный фундаментализм и модернизм выступают в качестве амбивалентных феноменов [1], по крайней мере, наличие этих тенденций в рамках единого семиотического пространства может быть относительно бесконфликтным. При этом возникает семиотическая мимикрия, обеспечивающая сокрытие от потенциальных адептов собственного маргинального статуса [14] и трансформацию фундаменталистской семиотики в маркеры квази-традиционализма. Это позволяет трактовать существующий и тщательно подпитываемый адептами антагонизм по отношению к каноническим Церквям как антагонизм внутриконфессиональный, а само существование маргинальных сообществ радикального типа рассматривать как явление православной семиосферы при неопределенном количестве страт [4, с. 41], если на уровне деклараций стратой-носителем нормативных ценностей является корпус догматических и канонических норм и правил, то фактически такой нормативной стратой признается соответствующая маргинальная группа, с существующими в ее недрах окказиональными практиками. Последние в сознании адептов воспринимаются как нормы вселенского уровня.

Отличительной чертой канонической апологетики маргинального православия является трансформация конспирологии из фонового мифологического субстрата в герменевтические паттерны объяснения реальности, что позволяет использовать установки конспирологической герменевтики для интерпретации канонических норм и трансформации последних применительно к реальным условиям существования соответствующих маргинальных обществ. Задачей применяемых герменевтических уловок является обоснование существующих практик вопреки их очевидному противоречию общеизвестным нормам церковной каноники, то есть такая интерпретация норм и принципов канонического регулирования, которая оказывается на формальном либо содержательном уровнях соответствующей реальностям церковной жизни. Данная трансформация осуществляется на двух уровнях, относящихся к области реализации норм канонического права и области их содержания.

1. Благословение авторитетного лица позволяет легализовать сомнительные канонические действия

В качестве легитиматора сомнительных с канонической точки зрения действий могут выступать не только анонимные, зачастую мифические «старцы», но и референции к вполне реальным религиозным деятелям, обладающим авторитетом в соответствующем маргинальном сообществе. К числу последних до недавнего времени относился бывший патриарх Иерусалимский Иринея, пользовавшийся репутацией «исповедника», пострадавшего за свои антиглобалистские и антикумунические убеждения. Так, ссылкой на благословение Иринея обосновывал каноничность принятия в общение клириков сомнительной хиротонии один из лидеров т. н. «непоминающих» Даниил (Филиппов). Согласно заявлению последнего, упомянутых клириков в обще-

ние принял не он, Даниил, но самолично патриарх Ириней, соответственно все вопросы и возражения должны быть адресованы в адрес последнего. При этом Даниил (Филиппов) не исключил возможности того, что больной престарелый Ириней не осознал, на что именно он дал благословение, но последнее обстоятельство, с точки зрения Даниила (Филиппова), непринципиально и не препятствует канонической легитимности данной ситуации [3]. Апеллирующей к авторитету Иринейя обосновывал свой канонический статус один из наиболее одиозных «иерархов» маргинального православия, безграмотный «патриарх-царь Зосима». Последним было составлено особое «свидетельство», являющееся своеобразным шедевром псевдоканонического делопроизводства [6], пестрящим грамматическими ошибками и оттисками каких-то печатей. Позднее окружение патриарха Иринейя заявило, что «благословение Иринейя было получено обманным путем» [2].

В рамках данной стратегии следует рассматривать легендарный рассказ об архиерейской хиротонии Геннадия (Секача), которую даже адепты ИПЦ вынужденно признают «своеобразной», но при этом легализованной авторитетом Серафима (Поздеева), личности тоже во многом мифологизированной. Согласно одному из нарративов, престарелый и больной Серафим за несколько дней до смерти возложил свою панагию на Геннадия (Секача), «рукоположив» его таким образом в епископы.

2. «В условиях господства ересей не все бывает по правилам»

Согласно логике данного аргумента, в условиях «господства ересей» нормы канонического права действуют избирательно [3], причем критерии данной избирательности никогда не определяются, это позволяет задавать их ситуативно. Данная стратегия предельно расширяет герменевтический горизонт применения канонов, превращая последнее в пустое рамочное понятие. В качестве примера иногда приводится аналогия с законами военного времени и аллегорическое уподобление современного состояния Церкви военному времени (война с различными ересями, т. н. «сергианством», глобализмом, экumenизмом etc.)

Коль скоро «в условиях господства ересей не все бывает по правилам», ключевым становится вопрос о том, кто именно определяет границы и пределы возможных исключений из существующих канонических норм, этот вопрос принципиально остается открытым, что расширяет возможности применения данной апологетической стратегии.

В качестве второго, не менее популярного рамочного понятия используется «икономия», границы и условия применимости которой тоже принципиально не определяются. Данные пустые рамочные понятия выполняют в семиосфере роль семиотических фикций, используемых для семиотической мимикрии: модернистские конструкты в итоге обретают видимость традиционности и каноничности [11].

3. Противопоставление «главных» и «второстепенных» признаков Церкви

Традиционная православная экклесиология относит наличие канонического епископата к числу важнейших признаков Церкви. Особо следует отметить, что данный тезис не вызывал каких-либо возражений со стороны теологов Русской Православной Церкви за границей, о преемственности которой являются многочисленные современные маргинальные сообщества.

Так, протопресвитер Михаил Помазанский, преподаватель Джорданвилльской семинарии, автор учебника «Православное Догматическое Богословие», писал, что «из многих внешних признаков Церкви издревле выделяются, как главнейшие, два: а) верность преданному учению и б) преемственность иерархии» [9]. В современных маргинальных сообществах предпринимаются попытки обосновать возможность отнесения канонического епископата к «второстепенным признакам церкви», для чего используются уловки, которые можно условно определить как методы «демагогической герменевтики», а именно противопоставление «канонической формы» «духоносному содержанию» с акцентированием последнего. Это позволяет рассматривать каноны как некую формальность, которой, при необходимости, можно и пожертвовать:

«Второстепенные признаки Церкви тоже надо стараться сохранять, в той степени, насколько это возможно, но только если для этого благоприятствуют внешние условия и жизненные обстоятельства, если это не идет во вред главным признакам Церкви. Но если в ту или иную эпоху, времена, в различной местности на земле, являются такие внешние условия и жизненные обстоятельства, при которых встает выбор между главными и второстепенными признаками Церкви, то надо жертвовать второстепенными признаками, стараясь сохранить главные признаки, без которых нет спасения души, нет Церкви. Второстепенные признаки — церковная организация, священство, иерархия и внешняя возможность совершения Таинств — являются средствами для воспитания главных признаков Церкви» [5].

4. Противопоставление канонов т. н. «правде Божией»

Согласно логике данной аргументации, начиная с 1927 г. «одного катехизического определения Церкви недостаточно». 1927 год в качестве своеобразной точки отсчета избран как семиотический маркер «создания митрополитом Сергием (Страгородским) красной лжецеркви», последнее утверждение стереотипически воспроизводится в идеодискурсе маргинального православия радикального паттерна в качестве идеологизированной мифотеологемы, используемой в различных апологетических нарративах. С этого момента главным критерием истинной Церкви становится «церковная правда» [12]. В результате происшедшего, по мнению адептов ИПЦ, в 1927 г. «экклесиального сдвига»

«сухая каноничность не работает... Правда церковная всегда канонична. Ложь церковная абсолютно неканонична... Классический хрестоматийный пример связан с переводом митрополита Иосифа Петроградского с Петроградской кафедры на Одесскую. Сергей (Страгородский) издал распоряжение, чтобы митрополиту Иосифу перейти с Петроградской кафедры на Одесскую, а митрополит Иосиф этому распоряжению не подчинился. С точки зрения

канонов, Сергей действовал совершенно законно: как заместитель местоблюстителя он имел право переводить архиереев с кафедры на кафедру, он назначил митрополита Иосифа на кафедру Петроградскую, он же его перевел на Одесскую. А вот митрополит Иосиф нарушил дисциплину каноническую и отказался. С формально-канонической точки зрения, правда за Странгородским, а неправда за Иосифом Петроградским. Но с точки зрения правды церковной, прав Иосиф Петроградский» [7].

При этом критерии того, что именно является «церковной правдой», принципиально не определяются, что позволяет их трактовать ситуативно.

Соответственно, главными признаками «лжецеркви» с этого же периода являются «ложь» и «беззаконие», как и в случае с «церковной правдой», критерии отсутствуют, что позволяет при необходимости в качестве таковых рассматривать субъективные оценочные суждения. Применение данной герменевтической уловки позволяет не только создавать пустые рамочные понятия, но и формировать демагогический дискурс, в котором аргументация подменяется риторическими конструкциями и эмотивными заявлениями. Так, любое действие в сфере церковного администрирования при необходимости может быть объявленным «не соответствующим критерию церковной правды», особенно если в его результате кто-либо определяет себя в качестве «пострадавшего от произвола и беззакония» и демагогически живописует нанесенные ему реальные и мнимые обиды [8].

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что применяемые сообществами маргинального православия апологетические стратегии направлены на формирование пустых рамочных понятий и семиотических фикций, придающих откровенно модернистским конструктам видимость традиционности. При этом основной акцент делается на вопросы применения канонических норм, тогда как их смысловая интерпретация остается на втором плане. Формирующийся в результате реализации апологетических стратегий демагогический дискурс способствует подмене содержательной аргументации эмоционально окрашенной риторикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головушкин Д. А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 1 (57). С. 87–97.
2. Гоша и Зосима — две стороны одной фальшивой медали. О присяге Зосиме «Отрепьеву» // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cw6h517AET8> (дата обращения: 11.04.2024).
3. Еще раз о катакомбных архиерейских хиротониях. Схиархимандрит Даниил (Филиппов) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=780UQup97L0&t=797s> (дата обращения: 11.04.2024).
4. Лебедев В. Ю. К вопросу о типологии культур и особенностях религиозного праксиса // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2013. № 2. С. 39–51.

5. О главных и второстепенных признаках Церкви // URL: https://www.paraklit.org/1-cherkov/priznaki_tcerkvi (дата обращения: 11.04.2024).
6. О церковном аферисте «митрополите» Зосиме — Леониде Власове // URL: https://www.youtube.com/watch?v=HgukQJiyf_c (дата обращения: 11.04.2024).
7. Обращение к Истинно-православным христианам в свете деятельности секты РИПЦ! Часть 1 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J2vAEgpFH1Q&t=245s> (дата обращения: 11.04.2024).
8. Осторожно. Секта РИПЦ // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yL8NMSain5M&t=578s> (дата обращения: 11.04.2024).
9. Помазанский М., протопр. Признаки Христовой Церкви и современное христианство // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/24337-Признаки-Христовой-Церкви-и-современное-христианство.pdf> (дата обращения: 11.04.2024).
10. Прилуцкий А. М. «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95. DOI 10.17238/issn2227-6564.2016.2.87.
11. Прилуцкий А. М. Прагматика семиотической мимикрии в дискурсах маргинальной ритуалосферы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 164–169.
12. Проходимцы из РИПЦ как пример современной церковной апостасии! // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8XTRmPkTAjU&t=2412s> (дата обращения: 11.04.2024).
13. Силантьев Р., Рагозин Ю. Парареправославные секты современной России. М.: Снежный Ком М., 2021. 432 с.
14. Федяшкин М. В. Семиотическая мимикрия в синкретических религиозных организациях на примере «Михайловской обители» г. Пензы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 12. С. 152–155.

REFERENCES

1. Golovushkin D. A. Religioznyy fundamentalizm / religioznyy modernizm: kontseptual'nye protivniki ili ambivalentnye fenomeny? [Religious fundamentalism / religious modernism: conceptual opponents or ambivalent phenomena?] In: Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. 2015. № 1 (57). Pp. 87–97. (In Russian).
2. Gosha i Zosima — dve storony odnoy fal'shivoy medali. O prislyage Zosime “Otrepëvu” [Gosha and Zosima are two sides of the same false coin. About the oath to Zosima “Otrepyev”] (2022) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cw6h5l7AET8> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).
3. Eshche raz o katakombnykh arkhiereyskikh khirotoniyakh. Skhiarkhimandrit Daniil (Filippov). [Once again about the catacomb episcopal consecrations. Schema-Archimandrite Daniil (Filippov)] (2018) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=780UQup97L0&t=797s> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).
4. Lebedev V. Yu. K voprosu o tipologii kul'tur i osobennostyakh religioznogo praksisa [On the question of the typology of cultures and features of religious praxis] In: Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii. 2013. № 2. Pp. 39–51. (In Russian).
5. O glavnykh i vtorostepennykh priznakakh Tserkvi [On the main and secondary features of the Church] // URL: https://www.paraklit.org/1-cherkov/priznaki_tcerkvi (accessed: 11.04.2024). (In Russian).

6. O tserkovnom aferiste “mitropolite” Zosime — Leonide Vlasove. [About the church swindler “Metropolitan” Zosima — Leonid Vlasov.] (2022) // URL: https://www.youtube.com/watch?v=HgukQJiyf_c (accessed: 11.04.2024). (In Russian).

7. Obrashchenie k Istinno-pravoslavnyim khristianam v svete deyatelnosti sekty RTOCh! Chast' 1 [An appeal to True Orthodox Christians in light of the activities of the RTOC sect! Part 1] (2020) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J2vAEgpFH1Q&t=245s> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).

8. Ostorozhno. Sekta RTOCh. [Carefully. RTOCh sect] (2020) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yL8NMSain5M&t=578s> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).

9. Pomazanskiy M., protopr. Priznaki Khristovoy Tserkvi i sovremennoe khristianstvo. [Signs of Christ's Church and modern Christianity] (2023) // URL: <https://azbyka.ru/oteknik/books/download/24337-Priznaki-Khristovoy-Tserkvi-i-sovremennoe-khristianstvo.pdf> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).

10. Prilutskii A. M. “Stalinskiy mif” v religioznom i parareligioznom diskursakh [“Stalin's myth” in religious and parareligious discourses] In: Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2016. № 2. Pp. 87–95. DOI 10.17238/issn2227–6564.2016.2.87. (In Russian).

11. Prilutskii A. M. Pragmatika semioticheskoy mimikrii v diskursakh marginal'noy ritualosfery [Pragmatics of semiotic mimicry in the discourses of the marginal ritual sphere] In: Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2020. № 2 (65). Pp. 164–169. (In Russian).

12. Prokhodimtsy iz RTOCh kak primer sovremennoy tserkovnoy apostasii! [RTOCh as an example of modern church apostasy!] (2020) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8XTRmPkTAjU&t=2412s> (accessed: 11.04.2024). (In Russian).

13. Silant'ev R., Ragozin Yu. (2021). Parapravoslavnye sekty sovremennoy Rossii [Para-Orthodox sects of modern Russia]. Moscow: Snezhnyy Kom Publ. 432 p. (In Russian).

14. Fedyashkin M. V. Semioticheskaya mimikriya v sinkreticheskikh religioznykh organizatsiyakh na primere “Mikhaylovskoy obiteli” g. Penzy [Semiotic mimicry in syncretic religious organizations using the example of the “St. Michael's Monastery” in Penza] In: Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2021. № 12. Pp. 152–155. (In Russian).